

Мария Веселовская

**Жорж Роденбах – поэт
безмолвия**

Мария Веселовская

Жорж Роденбах – поэт безмолвия

«Public Domain»

1904

Веселовская М. В.

Жорж Роденбах – поэт безмолвия / М. В. Веселовская — «Public Domain», 1904

«Певец молчания, одиночества и грусти, Жорж Роденбах, первый из поэтов «Молодой Бельгии», научил широкую публику за границей интересоваться Фландрией, первый из бельгийских писателей добился известности в Париже, первый из их среды вызвал целое паломничество художников и поэтов в этот «мертвый Брюгге», который он прославлял в своих произведениях. Жорж Роденбах к тому же был одним из главных символистов XIX века, и, если несмотря на свое значение и свою известность, не создал отдельной школы поэтов, то только потому, что был необычайно оригинален, почему, когда поэты пытались идти за ним, то сбивались на простое подражание...»

© Веселовская М. В., 1904

© Public Domain, 1904

Мария Веселовская

Жорж Роденбах – поэт безмолвия

Певец молчания, одиночества и грусти, Жорж Роденбах, первый из поэтов «Молодой Бельгии», научил широкую публику за границей интересоваться Фландрией, первый из бельгийских писателей добился известности в Париже, первый из их среды вызвал целое паломничество художников и поэтов в этот «мертвый Брюгге», который он прославлял в своих произведениях. Жорж Роденбах к тому же был одним из главных символистов XIX века, и, если несмотря на свое значение и свою известность, не создал отдельной школы поэтов, то только потому, что был необычайно оригинален, почему, когда поэты пытались идти за ним, то сбились на простое подражание.

Жорж Роденбах принадлежал к аристократической семье, не чуждой ни литературы, ни науки. Семья Роденбах была, собственно говоря, австрийского происхождения, так как прадед Жоржа Роденбаха принадлежал к австрийскому генеральному штабу и после французской оккупации в 1791 г. вышел в отставку и остался навсегда в Бельгии. Один из его сыновей, дед Жоржа, Константин, сделал блестящую карьеру: он был последовательно доктором, членом национального совета, консулом в Швейцарии, посланником в Афинах. Он был женат на внучатой племяннице поэта Виланда, очень образованной женщине, писавшей стихи и переписывавшейся с Мишле, Ламартеном и Гюго.

Отец Жоржа, занимая официальное положение то в Валлонии, то во Фландрии, увлекался литературой, составил прекрасный путеводитель для путешествия по Динанту, а в трудах по истории выказал себя знатоком Египта, с глубоким интересом разбирался в непонятных иероглифах. Мать поэта была фламандка. Жорж Роденбах родился 16 июля 1855 г. в Турнэ, где он провел свои детские годы, окруженный нежными ласками родных, в любимом доме, на который падала тень от знаменитого собора. Очень рано Жорж Роденбах, совсем ребенком, ощутил, «как жизнь печальна! как все печально!» В родном домике, самом любимом и лучшем из всех домов, – *maison des meres!* – о котором он не раз вспоминал в своих стихах, Жорж чувствовал себя некоторое время беззаботным и счастливым; накануне Рождества он, мальчиком, ставил вечером у камина свои туфельки в ожидании подарков от деда-мороза; там младшая его сестра училась ходить; там засыпал он вечером в старомодных, широких креслах, там в отдельной комнате он читал молитвы Богородице. Кругом дома был сад, где рос виноград, и куда, как он верил мальчиком, пасхальные колокола, возвращаясь из своего путешествия в Рим, бросали ему яйца в подарок.

И в этот милый домик вошла печаль, а за ней смерть, и все изменилось: его две сестры скончались, и домик сделался мрачным и зловещим, точно какое-то серое, густое облако закрыло от них солнце, а высокая колокольня собора наложила на него неумолимую тень. Старинные кресла приняли неласковый, угрожающий вид, высокий камин стал казаться пропастью, зеркала перестали отражать детские личики, так как их завесили, а в саду были срезаны все цветы. С этого момента жизнь мальчика резко изменилась и печаль словно придала его будущему творчеству оттенок безнадежности, скрытого страдания и глубокой муки одиночества. Задумчивый, худой и болезненный, мальчик блуждал из одной комнаты в другую, словно искал кого-то; иногда он подолгу останавливался у окон, выходящих на канал, так как к этому времени его родители переехали в старинный город Гент, и прислушивался к однообразному звону колоколов. Жорж часами просиживал на окне, созерцая тихую воду каналов, отражения в ней деревьев, покинутые лодки на берегу, следил за белыми гордыми лебедями на канале или за несущимися по небу серыми облаками... Его юная душа тогда уже почувствовала то ощущение недолговечности, которое чувствовалось всегда в поэте; точно смерть призывала его издалека, еще так неясно, тихо, так неуловимо для других людей, но мальчик схватывал ее

призывы, понимал ее условные знаки, и веселый детский смех останавливался у него в горле, книги и игрушки падали у него из рук, а задумчивый взор, не по летам печальный устремлялся куда-то в даль, по ту сторону жизни, точно ища встречи с будущей возлюбленной, – смертью!.. Мальчик любил гулять вдоль одиноких каналов старинного города; пустынные улицы, однообразный колокольный звон уже пробуждали в его душе будущего певца «Мертвого Брюгге», уже готовили в нем поклонника «царства безмолвия».

Поступив в мрачный и замкнутый духовный коллеж св. Варвары в Генте, Жорж еще ближе подошел к смерти, еще сильнее почувствовал ее власть над своей юной душой. Описание коллежа можно не раз встретить в произведениях Ж. Роденбаха. Часто поэт вспоминал и своих учителей, и товарищей, рассказывал о том строгом режиме, которому подвергались мальчики. Учителя-священники, доминиканские монахи с своими проповедями об аде, о смертных грехах, словно убивали в юных душах воспоминания о детстве, уничтожали наивные мечты о радостях и счастье. Бедных мальчиков, «желавших поскорее вырасти, научиться всему, стать наконец самостоятельными, любить, завоевать мир, – словом жить! – учили приготавливаться к праведной кончине, водили в церковь и заставляли в дни молитвы и покаяния выслушивать речи, проповеди о бренности жизни, ужасах греха, ада, проповеди, оставившие на всю жизнь тяжелое воспоминание, и бедные мальчики дрожали, как будто уже настал час их смерти». Ах, жизнь оставалась там где-то далеко, за высокой решеткой коллежа, до которого не доносился городской шум. И сама жизнь представлялась такой неясной, неопределенной! Здесь же в коллеже все говорило о смерти с такой настойчивостью! Ежедневным утешением этого безотрадного существования были любимые книги поэтов, внушавшие мальчикам лучезарные мечты о любви, о счастье.

В коллеже Ж. Роденбах считался одним из лучших учеников. В третьем, четвертом классе он начал писать стихи, и его вкус к литературе, со временем обратившийся в культ, тогда уже ясно определился. Его близкими друзьями в то время были Э. Верхарн и Эдгар Поттэн.

Э. Верхарн в одной из статей вспоминает, что, благодаря Ж. Роденбаху, они все еще во втором классе познакомились с творчеством Гюго, Мюссе и Ламартина, так как полагалось на уроках проходить какого-нибудь поэта, и один из преподавателей уступил просьбам Роденбаха, и вместо Горация мальчики читали Гюго и Ламартина. Поэзия Ламартина настолько захватывала их, что «Религиозные и поэтические песни» явились своего рода культом. Стихи Ламартина внушали им неясные, греховные мечты о женской любви, но эти мечты быстро разлетались, как туманная дымка, а суровая, печальная действительность еще неумолимее говорила о тщете жизни, о смерти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.